

ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. Азбелев

НАРОДНЫЙ ЭПОС О ПРЕДЫСТОРИИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ¹

1

Характеризуя выдающуюся роль Великого Новгорода в отечественной истории, В. Л. Янин так подытоживал сказанное об эпохе, отобразившейся в достаточно ранних письменных источниках. «На заре формирования феодальных отношений в Древней Руси существовали два главных ядра новой государственности, возникшие независимо одно от другого: „Русская земля“, политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде. Их объединение в конце IX в. с передачей верховенства Киеву сделалось фундаментом возникновения того грандиозного явления, которое историки позднее назвали Древнерусским государством или Киевской Русью».² Письменная история этих двух государственных образований представлена летописями, которые начали составляться в первой четверти XI в. Предшествующие столетия — это в основном устная история, фрагментарно отразившаяся в летописях, и предыстория, отображенная только народным эпосом. Живым остатком его являлись былины, сохранявшиеся в изустной передаче.

Три десятилетия назад в фольклористике фундаментально был обобщен весьма существенный тезис, сводящийся к тому, что «известную нам былинную традицию можно рассматривать как новгородскую интерпретацию русского эпоса».³ Иными словами, все дошедшее до соби-

¹ В основе статьи доклад, прочитанный 25 января 2006 г. в Великом Новгороде на XX научной конференции «Новгород и Новгородская земля: История и археология».

² Янин В. Л. Роль Новгорода в отечественной истории // Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 14.

³ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин. М., 1975. С. 91. Путем тщательного картографирования всех записей автор этой книги подтвердила справедливость суждений, высказывавшихся попутно и на сравнительно ограниченном еще материале более 100 лет назад главой исторической школы русских эпосоведов академиком Всеволодом Федоровичем Миллером. Труды В. Ф. Миллера десятки лет подвергались «идеологическому» поношению, и только недавно главные из них удалось переиздать в серии «Классика литературной науки» (см.: Миллер В. Ф. Народный эпос и история / Сост., вступ. статья, коммент. С. Н. Азбелева. М., 2005).

рателей былины эпическое наследие — фактически достояние Новгородской земли. Хотя относительно небольшая часть записей былины осуществлена за ее пределами, это — фиксации от потомков людей, из нее переселившихся или из нее переселенных. За века ордынского владычества и изживания его последствий живая традиция древнего героического эпоса утратила в других областях Русской земли, сохранившись только на не знавшей татарских нашествий и ордынских баскаков территории, подвластной Великому Новгороду. В древнерусском эпическом наследии, которое изустно передавалось сказителями Новгородской земли вплоть до середины XX в., фигурирует значительное число персонажей. Часть их не имеет отношения к Новгороду и даже вообще к Северной Руси. Но есть тесно связанные, напротив, именно с Новгородом. Некоторые богатыри, согласно былинным повествованиям о них, появились на севере, действовали затем и на юге, а порой — даже за пределами Русской земли. Далекое не во всех случаях ученым удавалось соотнести, хотя бы приблизительно, основное содержание или самих героев былины с историческими ситуациями либо — историческими лицами, известными по письменным источникам. Некоторые сюжеты или персонажи былины — явно мифологического происхождения, в других случаях мифологические мотивы преобладают над исторической основой.

Но прототип севернорусского богатыря Ильи, главного героя былины, — в частности таких, где совершенно явно превалирует именно историческая основа, — в сохранившихся летописях обнаружен не был. Этим он резко отличается от киевского князя Владимира, Добрыни, Алеши и ряда менее известных эпических персонажей. Такое странное обстоятельство вызывало удивление и даже некоторым ученым дало основание полагать, что образ Ильи был просто сконструирован эпосом — без опоры на исторический прототип.⁴

Однако сюжеты тех былин, какие достаточно обоснованно соотнесены с историческими лицами и историческими фактами X—XVII столетий, очень часто не только этим фактам и этим лицам обязаны возникновением. События, повторявшиеся в типовых своих чертах, происходили на протяжении многих веков. Переработки прежних эпических повествований в применении к вновь свершившимся похожим событиям и позднейшим историческим деятелям зафиксированы многократно.

Наиболее показательны в этом отношении былины, посвященные борьбе против вражеских нашествий. Любопытным примером может служить довольно распространенная новгородская былина «Добрыня и Василий Казимирович», отозвавшаяся на свержение ордынского ига. Отделенная пятью столетиями от деятельности исторического Добрыни (сподвижника князя Владимира Святого), она поместила его рядом с героем, исторический прототип которого — хорошо известный летописям новгородский полководец и политический деятель XV столетия Василий Казимир. А былина XVII в., посвященная возглавившему новгород-

⁴ См., например: Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1960. С. 145.

ское войско в борьбе против иностранной интервенции в Смутное время князю Михаилу Скопину-Шуйскому, называет в качестве его современников богатыря Добрыню и князя Владимира. Эпический образ, восходивший к весьма давнему историческому прототипу, мог оказываться как бы передвинутым на много столетий и введенным в позднейшие эпические повествования, инициированные событиями совсем иной эпохи. Происходило иногда и слияние в одном былинном персонаже эпических отображений двух (или более) исторических прототипов. Характерным примером такого объединения служит новгородская былина «Князь Глеб Володьевич».⁵ Образ эпического князя Владимира давно связывается в науке не только с Владимиром Святым, но и с Владимиром Мономахом.

Сказанное побуждает со вниманием отнестись к одной из групп фольклорных по происхождению известий в Новгородской Иоакимовской летописи (НИЛ), доверие к которой было восстановлено в результате археологической проверки, осуществленной В. Л. Яниным.⁶ Фрагменты этой летописи, обязанные устной традицией, как обнаружилось, представляют существенный интерес при сопоставлении их содержания не только с записями русских былин, осуществленными в XVII—XX вв., но и с гораздо более ранними письменными фиксациями германского эпоса.

Необходимость учитывать хронологические «перемещения» главных эпических персонажей актуализирует проблему, серьезно поднятую более века назад, но впоследствии почти забытую. О ней шла речь в докладе Н. П. Дашкевича, тогда вызвавшем даже дискуссию, а ныне известном только по напечатанному краткому изложению: Дашкевич обосновывал тезис, что в образе Ильи могло произойти совмещение «нескольких лиц этого имени» — подобно тому, как «образ былинного Владимира заключает в себе сплав черт нескольких князей этого имени». Соответственно, Дашкевич сближал «с германскими сказаниями не современные былины», а только подлежащий восстановлению «остов русского былевого эпоса».⁷ Несколько десятилетий спустя в фольклористике обоснованно ставился вопрос: не существовал ли в реальной истории Владимир, возглавлявший предков нынешних восточных славян задолго до хорошо известного Владимира Святославича?⁸

В Новгородской Иоакимовской летописи как раз и находятся сведения о Владимире, управлявшем, очевидно, предками древних новгород-

⁵ См. об этих былинах: *Азбелев С. Н.* 1) Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 43—133; 2) Историческая основа новгородской былины «Князь Глеб Володьевич» // *Чело. Великий Новгород*, 1998. № 2 (13). С. 34—40.

⁶ См.: *Янин В. Л.* Летописные рассказы о крещении новгородцев. (О возможном источнике Иоакимовской летописи) // *Русский город. (Материалы и исследования)*. М., 1984. Вып. 7. С. 40—56.

⁷ *Дашкевич И. П.* Центральные герои русского былевого эпоса (Владимир и Илья) в древнесеверной саге // *Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца*. Киев, 1900. Т. 14, вып. 3. С. 76.

⁸ См.: *Цапенко І. П.* Питання розвитку героїчного епосу східних слов'ян. Київ, 1959. С. 79.

цев на несколько веков раньше киевского князя Владимира Святого. Хронологических дат в этой летописи нет, но следует признать правомерность подсчета, произведенного еще В. Н. Татищевым. Он исходил из того, что, согласно НИЛ, от Владимирова отца до Гостомысла — непосредственного предшественника князя Рюрика — прошло «14 колена», т. е. было 14 сменявших друг друга представителей славянской династии. Татищев писал, что это означает период примерно в 350 лет, «потому приходит на владетеля 25 лет <...>, которое за среднее почесть можно».⁹ Правомерность хронологической выкладки В. Н. Татищева подтверждают данные готского историка Иордана о королях династии Амалов у готов в ту же приблизительно эпоху: с 51 по 540 г. было 19 королей и 40 лет междуцарствия.¹⁰ Таким образом, средняя продолжительность одного царствования составляла около 24 лет.

Правление Гостомысла относилось к первой половине IX в.¹¹ Следовательно, Владимир, о котором ведет речь Иоакимовская летопись, мог править приблизительно в первой половине V в. Это соответствует времени владычества Аттилы, о войнах которого против короля Руси Владимира повествует сага о Тидреке Бернском (и близко ко времени жизни готского короля Теодориха Великого, послужившего прототипом главного эпического персонажа этой саги). Как видим, показания двух независимых друг от друга источников совместимы: сага и летопись могли говорить об одном лице.

Обнаружилось, что для исследования проблемы первостепенное значение имеют труды А. Н. Веселовского. Феноменальная эрудиция и широта научных интересов позволили ему как в области теории народного эпоса, так и в конкретных исследованиях эпических памятников оставить неустаревающее наследие, публикация которого продолжается по настоящее время. Еще при жизни Веселовского была напечатана его большая статья «Уголок русского эпоса в саге о Дитрихе Бернском».¹² Она была им переработана и существенно расширена в исследовании, почти завершенном перед кончиной автора и изданном посмертно под редакцией его ученика В. Ф. Шишмарева и А. А. Шахматова. Данный труд Веселовского успел прочно войти в науку, когда обнаружилось, что в архиве ученого находится еще одно полностью законченное исследование, которое помогает результативно соотнести изучавшуюся им проблему с недавними работами по фольклористике и источниковедению. Этот труд Веселовского опубликован только 15 лет назад; а еще через 6 лет были напечатаны и оставшиеся в архивной рукописи концентрированные обобщения Веселовским его исследований народного

⁹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 114. Недавняя попытка дискредитировать труд В. Н. Татищева, предпринятая Алексеем Толочко, получила адекватную обстоятельную отповедь. См.: Журавель А. В. Новый Герострат, или У истоков современной истории // Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. 10 (158).

¹⁰ Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. статья, перевод и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960. С. 363—364.

¹¹ См. о нем в статье: Азбелев С. Н. О Рюrike и Гостомысле // НИС. СПб., 2005. Т. 10 (20). С. 7—31.

¹² См.: ЖМНП. 1896. № 8. С. 235—277.

эпоса, которые оказались столь же важны для прояснения вопросов, рассматриваемых ниже.

2

По-новому осмыслить давно известные исследователям былины упоминания в произведениях германского эпоса русского витязя Ильи и короля Руси Владимира позволяет использование введенных в науку сравнительно недавно, но, как оказалось, весьма существенных материалов. Помимо напечатанных посмертно эпосоведческих трудов А. Н. Веселовского это принципиально важные результаты фронтальных изучений былинного именованного и упомянутые сведения Новгородской Иоакимовской летописи.

Речь идет о соотношенности русских былин с двумя обширными памятниками, отразившими германский раннесредневековый эпос. Это, во-первых, верхненемецкая поэма «Ортнит», записанная в 1220—1230 гг., но основанная на устных сказаниях, бытовавших ранее несколько веков;¹³ во-вторых, Сага о Тидреке Бернском (Тидрексага), записанная в Норвегии около 1250 г., но составленная, как в ней сказано, по древним немецким прозаическим сказаниям и песням.¹⁴ Она передает эническое наследие, восходящее в основном к событиям V в. — войнам гуннов, возглавлявшихся Аттилой (годы правления: 434—453), и готов, возглавлявшихся Теодорихом (годы жизни: 454—526), которые в эпосе фигурируют как современники. Эти памятники имеют несколько общих персонажей. Одним из них является Илья Русский, знаменитый витязь, одноименный главному богатырю былин, что давно привлекло внимание и рассматривалось в ряде работ русских исследователей. Результаты суммировала напечатанная в 1978 г. статья Г. В. Глазыриной, которая призвала продолжить «привлечение иностранных источников для изучения некоторых аспектов развития русского былевого эпоса».¹⁵

Глазыриной не был известен оставшийся тогда еще в архивной рукописи труд А. Н. Веселовского, посвященный главным образом сопоставлению поэмы «Ортнит» с русскими былинами. В отличие от ряда своих предшественников, Веселовский не ограничился образом Ильи, а произвел более широкие сравнения, внося немало существенно нового в понимание межнациональных взаимодействий устного эпоса, восходящих еще к эпохе славяно-готского общения.¹⁶ Автор детально обосно-

¹³ См.: Ortnit und die Wolfdietriche / Nach Mullenhoffs Vorarbeiten herausgegeben von A. Amelung, O. Janicke. Berlin, 1871. Bd 1 (Deutsches Heldenbuch. Th. 3).

¹⁴ См.: Pidraks saga af Bern / Udgivet for samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved H. Bertelsen. Kobenhavn, 1905—1911. Bd 1—2.

¹⁵ Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР: Сб. статей. М., 1978. С. 202.

¹⁶ Веселовский А. Н. Былины о Волге Всеславьевиче и поэмы об Ортните / Публикация С. Н. Азбелева // Русский фольклор. СПб., 1993. Т. 27. С. 273—312.

вал свое главное заключение, состоящее в том, что центральному персонажу поэмы — Ортниту — соответствует богатырь Волх Всеславьевич, былина о котором давно и справедливо признана была одной из древнейших.¹⁷

Уделив главное внимание «отражению сказаний об Ортните в русском песенном эпосе»,¹⁸ Веселовский обсуждал и связь этих сказаний с былинами об Илье, используя попутно материал Саги о Тидреке Бернском, которую специально рассмотрел более широко в работе, напечатанной сразу после кончины автора.¹⁹ Эта сага обращала на себя внимание ученых, в частности, тем, что в ней фигурирует не только русский витязь Илья, но и русский король Владимир, которого соотносили, как правило, с хорошо известным князем Владимиром Святославичем. Веселовский опирался на результаты исследования Тидрексаги своими предшественниками; после его смерти оно, конечно, продолжалось.²⁰ По результатам наблюдений Веселовского остались актуальными и были довольно интенсивно использованы в упомянутой работе Г. В. Глазыриной.

Более широко, чем она, обозрение сделанного в изучении русских мотивов Тидрексаги ранее осуществила посвятившая этому свыше сотни страниц Элла Штудер. В принципе допуская историческую подоснову таких мотивов, она в итоге констатировала, что убедительно выяс-

¹⁷ Приведенные Веселовским параллели, весьма обстоятельно обоснованные и комментированные им, в главном могут быть сведены к следующему. 1. Сверхъестественному рождению Ортнита соответствует такое же рождение Волха — согласно древнейшей записи этой былины; в других вариантах его рождению предшествуют чудесные знамения. Оба персонажа являются обладателями вещей мудрости. 2. С ее помощью они проникают во вражеское царство, портят неприятельское оружие, подслушивают речи вражеского царя. 3. Цель поездки Ортнита — получить в жены дочь языческого царя; тот этому противится, но Ортнит добывает невесту. Волх отирается во враждебное царство, предупреждая набег, задуманный его царем, однако в итоге, согласно древнейшей записи, Волх женится, но не на дочери, а на вдове царя, который оказывается им убит. В поэме об Ортните, отметил Веселовский, убийства царя нет, «потому что в эпохи немцев саги он был необходим для совершения мести»; в былине же «его „удаление“ — черта не первичная», в связи с чем Веселовский ставит вопросы: не была ли женитьба первоначальным поводом к поездке Волха и «не смешались ли в долговременном обращении былины в образе царицы два отдельных лица» — жены царя и его дочери, «из-за которой и совершилась брачная поездка Волха?». Приведя веские дополнительные соображения, Веселовский констатирует, что если Волх «тождествен с Ортнитом немецкой поэмы, содержание которой было известно на Западе уже в XI столетии, то на Руси он давно был достоянием народной песни, богатырским типом, представление о котором бессознательно переносилось в характеристику исторических деятелей, напомиавших его своим умом, смелостью, подвижностью». В качестве примера этого Веселовский приводил известные характеристики «вещего» полоцкого князя XI в. Всеслава Брючиславича в летописи и в «Слове о полку Игореве» (Веселовский А. Н. Былины о Волхе Всеславьевиче... С. 306—309).

¹⁸ Там же. С. 298.

¹⁹ Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // ИОРЯС. СПб., 1906. Т. 11. № 3. С. 1—190 (на с. 130—190 дан перевод фрагментов саги).

²⁰ Довольно интенсивно исследовались генезис и рукописная традиция Тидрексаги. См., например: Haupt W. Zur niederdeutschen Dietrichsage. Berlin, 1914; Kralik D. Die Überlieferung und Entstehung der Thidrekssaga. Halle (Saale), 1931; Henning B. Didrikskronikan: Handskriftsrealationer, oversattningsteknik och stildrag. Stockholm, 1970; Reichert H. Heldensage und Rekonstruktion: Untersuchung zur Thidrekssaga. Wien, 1992.

нить нечто достаточно определенное пока не удалось, однако отдала должное г-ру А. Н. Веселовского, закончив выводом, что решение проблемы тесно связано с дальнейшим прояснением былинного образа Ильи. А это, по заключению Штудер, «станет возможным только, если из неизвестных источников добавится новый материал».²¹

3

Продвинуть вперед изучение обсуждавшихся вопросов существенно помогает именно материал Новгородской Иоакимовской летописи. В ней и в саге совпадают не только имя Владимира и время его правления. Сопоставимы данные НИЛ и повествования саги о деятельности Владимирово отца, хотя его имя в них передано по-разному. Степень же внимания, уделенная в НИЛ именно Владимиру (после которого 8 поколений правителей Руси не названы по именам), свидетельствует, что его княжение представляло собой исторический этап чрезвычайной значимости — по крайней мере для составителя НИЛ, а вероятнее — для его главного источника об этом периоде.

При сравнении с материалом саги нетрудно догадаться, в чем причина такого внимания НИЛ к Владимиру. Он был правителем Руси в период, когда она подверглась нашествиям гуннов. Это была, очевидно, эпоха максимального напряжения сил народа, «эпическое время», которое должно было оставить глубокий след в народной памяти. Сага называет Владимира королем. Употребление этого термина здесь оправданно: территория, подвластная, если верить саге, эпическому Владимиру, включала земли от моря до моря, простираясь далеко на восток (в чем, кстати, согласуются данные саги и НИЛ) и превосходя, как видно, размеры позднейшего Киевского государства X в. Этим объясняется интерес к Владимиру и Руси в Тидрексаге, главная тема которой, казалось бы, позволяла о них не упоминать.

В саге среди прочего повествуется подробно о нескольких походах гуннов при поддержке готов против «конунга» Руси Владимира, которому обычно сопутствует успех. При этом описываются битвы, после которых Аттила не раз обращался в бегство. Исход крупнейшего сражения решает Илья (названный здесь «ярлом» Владимира). Он сбил с коня готского витязя Хильдибранда, после чего даже неустрашимые готы побежали и вернулись с позором в землю убежавшего еще ранее с поля боя Аттилы. Лишь через полгода Аттила, уже вместе с самим Тидреком, решаются, собрав больше 30 тысяч воинов, снова отправиться на Русь. Происходит трехмесячная безуспешная осада Полоцка. Только с помощью осадных машин гунны взяли наконец Полоцк и сравняли его с землей.

Тем временем Тидрек со своей частью войска идет дальше в Русскую землю, разрушая много замков и бургов. Под Смоленском он встретился с 40-тысячным войском Владимира. В ожесточенной битве

²¹ Studer Ella. Russisches in der Thidreksaga // Sprache und Dichtung. Berlin, 1931. Heft 46. S. 121.

Тидрек наносит смертельный удар Владимиру, после чего готы и гунны избивают почти всех русских воинов. Тогда Аттила встретился с победившим Тидреком у стен еще обороняемого русскими Смоленска. В нем находится ярл Ирон (названный здесь братом Владимира). Ирон со своими мужами решил сдаться на милость Аттилы. Тот, по совету Тидрека, даровал им жизнь и поставил Ирона управителем Руси, обязав выплачивать дань гуннам.

Разумеется, в таких повествованиях, построенных в основном не на фиксации реальных фактов, а на использовании традиционных эпических мотивов, присутствует немалая доля достаточно очевидных домыслов — даже если отвлечься от обычных для эпоса гипербол и от хронологической несовместимости Аттилы и Теодориха. Аттила едва ли непосредственно участвовал в военных действиях на севере, однако против Руси могли быть направлены вспомогательные войска. Таковыми могли оказаться остготы, действительно подчинившиеся Аттиле. Военные действия сохранившей боеспособность части гуннов против Руси могли, в принципе, вестись и после его смерти — даже в период правления Теодориха. Но сам он был поглощен подчинением Италии, а отнюдь не Русских земель.

Особенно очевидна вымышленность всех рассказов саги, связанных со Смоленском, — по нескольким показателям. Сам этот город, в отличие от Полоцка, тогда не существовал, он появился только в IX в. Ирон в саге фигурирует ранее неоднократно, но не как брат Владимира и не на Руси²² (это один из сыновей британского короля Артура, убежавший вместе с братом Аполлонием к Аттиле; Ирон становится его вассалом и получает от Аттилы как ярл в управление Брандинаборг; А. Н. Веселовский объяснял интерполированностью смоленского эпизода саги появление там Ирона — в результате смещения).²³ Иоакимовская летопись о кончине Владимира сообщает без какой-либо связи с военными действиями и без упоминания гуннов или готов; далее в НИЛ сказано, что после смерти Владимира Русью управляли его сыновья и внуки. Достаточно ясно, что эпизоды саги, приуроченные к Смоленску, были в ней скомпонованы из эпических стереотипов ради тенденциозного прославления главного персонажа, по военным талантам и доблести будто бы далеко превосшедшего Аттилу и даже преподавшего ему урок мудрости и великодушия.²⁴

²² См.: *Pidriks saga af Bern*. Bd 2. S. 45—46, 109—116, 120—156, 386.

²³ См.: *Веселовский А. Н. Русские и вильтины...* С. 70—73.

²⁴ Г. В. Глазырина, говоря о несомненной вымышленности этого фрагмента саги, справедливо отмечала, что для ее составителя была важна здесь не историческая достоверность, а «целая установка эпизода — прославление главного героя произведения, ибо «в ряду других „подвигов” Тидрека Бернского этот — нанесение смертельного удара конунгу Вальдемару, стоявшему во главе русского войска, — несомненно, один из наиболее ярких» (Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты. Перевод. Комментарий / Составители: Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 151). Ранее И. Э. Клейнберг закономерно связал с этим и некоторыми другими эпизодами саги пассаж Новгородской первой летописи «в граде Бьерне, идеже бе жил поганьн злыи Дедрюк» (ПСРЛ. Т. 3. С. 49). Исследователь обоснованно заключал, что новгородцы, по-

Тидрексага считается одной из самых ранних среди так называемых «саг о древних временах». Это группа «героических саг», сюжеты которых восходят к эпосу древних германцев. В них присутствует синтез правды и вымысла, свойственный сагам вообще. Но основой повествования служит обычно историческое ядро. В саге о Тидреке Бернском, которая представляет собой переложение германских эпических сказаний, таковым признаны реальные походы гуннов во главе с Аттилой и деяния короля остготов Теодориха Великого.²⁵

Сага, как это видно из приводившихся выше кратчайших пересказов, оказывая явное предпочтение Тидреку перед другими своими персонажами, особенно — перед Аттилой, нередко стремится, однако, соблюсти объективность по отношению к русским. Например, Илья в саге охарактеризован позитивно: он был муж мирный и приветливый, однако — «великий властитель и сильный витязь».²⁶ Илья — имя христианское, следовательно, он предстает в саге христианином (в то время были уже христиане и среди северных соседей Империи).

Несомненным христианином Илья является в поэме «Ортнит», где он именуется Илья Русский. События происходят вне пределов Русской земли, а Илья действует рядом со своим младшим родственником королем Ортнитом, воюя против язычников в Сирии. Согласно немецкой поэме, Ортнит управляет частью Ломбардии, а Илья Русский помогает ему добыть невесту вооруженной рукой — вследствие отказа отца отдать свою дочь. Сам по себе этот тип эпического сюжета традиционен для европейского эпоса.²⁷ В русском он тоже разработан: былина о женитьбе князя Владимира, отсылаясь на известный факт из биографии Владимира Святославича, исторически верно называет участником добывания невесты Добрыню. Но любопытно, что в варианте, который по фактическим реалиям наиболее архаичен, старшим товарищем Добрыни в вооруженном сватовстве выступает Илья, причем именно он привозит невесту на Русь.²⁸ Перед нами, очевидно, воздействие древнего эпического повествования об Илье на «младшую» былину с односторонним сюжетом.

знакомившись с этим эпическим материалом, в Дитрихе «должны были видеть злейшего врага Руси» (*Клейнбергер И. Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники: Сб. статей 1973 г. М., 1974. С. 135*).

²⁵ См. например: *Мельникова Е. А., Глазырина Г. В., Джексон Т. Н.* 1) Древнескандинавские письменные источники по истории европейского региона СССР // *Вопросы истории.* М., 1985. № 10. С. 46—50; 2) Скандинавские источники // *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* М., 2000. С. 438—442. См. также: *Глазырина Г. В.* Скандинавские «саги о древних временах» как исторический источник (на материале «Саги о Тидреке Бернском»): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 9—21.

²⁶ «Hoefdingi mikill, oc ríkr karpi» (*Pídríks saga af Bern.* Bd 2. S. 69).

²⁷ См.: *Соколов Б. М.* Эпическое сказание о женитьбе князя Владимира. (Германо-русские отношения в области эпоса) // *Учен. зап. Саратовского гос. ун-та.* 1923. Т. 1, вып. 3. С. 69—122.

²⁸ *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.* СПб., 1910. Т. 3. С. 442. Архаичность варианта главным образом в том, что только здесь былина ясно отобразила сообщенную летописью мотивировку отказа отдать княжну Рогнеду за Владимира — сына ключницы.

Владимир, Илья и Ортнит, согласно данным германских памятников, состоят в родственных отношениях: Илья является дядей Ортнита по матери, согласно поэме «Ортнит» (или по отцу — согласно Тидрексаге).²⁹ Существенно, что генеалогия поэмы «Ортнит» (которой обоснованно отдал предпочтение А. Н. Веселовский) не дает повода считать Илью сыном наложницы Веслава, как о том упомянуто в Тидрексаге. Илья, очевидно, являлся сыном родственницы Веслава. Веселовский обратил внимание на то, что Илья, обращаясь к Ортниту, называет его племянником («*ocheim*»);³⁰ а Ортнит, отвечая ему, говорит: «Я сын твоей сестры».³¹ Поэма «Ортнит» заслуживает большего доверия в характеристиках, касающихся Руси, так как содержание этого памятника не связано с настроениями, которые были порождены военными действиями гуннов и подчиненных Атилле остготов против русских, что, естественно, обусловило враждебную им тенденциозность Тидрексаги.

Отображение древнерусского эпоса в НИЛ дает иные формы имен отца и братьев Владимира, чем зафиксированные в саге. Это нетрудно объяснить трансформациями при переходах из устной традиции в письменную, из славянской — в германскую и эволюционированием при длительном бытовании в рамках самих этих традиций (см. ниже отмеченную А. Н. Веселовским трансформацию имени Веслава).

Генеалогия эпических героев — результат преломления в эпосе представлений о реальной генеалогии, которая сама по себе не была зафиксирована. Возможность частично согласовать построения, выводимые из двух независимых литературных обработок почти синхронных сюжетов древнегерманского эпоса (что продемонстрировал А. Н. Веселовский) и весьма краткой передачи сведений, почерпнутых из древнерусского эпоса в НИЛ, с данными, какие можно извлечь из русских былин о тех же эпических персонажах, — разумеется, еще не доказательство реальных родственных отношений исторических прототипов. Но это — свидетельство устойчивости эпической памяти и показатель либо очень давних взаимосвязей разноязычных эпических традиций, либо общности их исторической основы.

4

Уже К. Мюлленгоф, первым основательно изучивший Тидрексагу, не сомневался, что Владимир и Илья в ней — те самые, о которых повествуется в былинах.³² С этим были согласны почти все позднейшие исследователи, обращавшиеся к Тидрексаге в связи с древнерусским эпосом: полагали, что эпический князь Владимир и его главный богатырь

²⁹ См.: Веселовский А. Н. Былины о Волхе Веславьевиче... С. 306—309).

³⁰ Там же. С. 284.

³¹ «Ich bin diner swester kint» (Ortnit und die Wolfdietriche. Bd I. S. 10).

³² См.: Müllenhoff K. Zeugnisse und Excursus zur Deutschen Heldensage // Zeitschrift für deutsches Alterthum. Berlin, 1865. Bd 12. S. 344—354.

представляют в этой саге привнесение, обязанное былинам, которые в Германии стали известны, вероятно, через купцов, бывавших на Руси в XI—XII столетиях. Российские эпосоведы и историки средневековой литературы, обращавшиеся к этой теме, за немногими исключениями, были единодушны в том, что германский эпос отобразил сведения, почерпнутые непосредственно или опосредованно из русских былин об Илье и князе Владимире, чьим историческим прототипом послужил управлявший Русской землей в конце X и начале XI в. киевский князь Владимир Святославич.³³

Никто, кажется, не обратил должного внимания на странное при такой гипотезе обстоятельство: то, что говорится в немецком эпосе об Илье, отчасти можно увязать с содержанием некоторых из записанных былин о нем, но повествования Тидрексаги о деяниях Владимира не имеют соответствий в известной по летописям биографии Владимира Святого.

А недавно было установлено в результате проведенного впервые сплошного обследования основных собраний былин, что их сказители XVII—начала XX вв. почти никогда не называли былинного князя «Владимир Святославич»: отчество либо опускалось, либо имело форму «Всеславич» (иногда — «Сеславич»). Она присутствует повсеместно (89 раз) в коллекции старейших записей XVII—XVIII вв.; только она есть и в классическом собрании XVIII в. — Сборнике Кириши Данилова и в передающем архаичную традицию собрании сибирских записей С. И. Гуляева.³⁴

Проведший эту сопоставительную работу В. М. Гацак в итоге констатировал с удивлением, что «вместо ожидаемого отчества исторического Владимира, доминирует Всеславич».³⁵

Однако А. Н. Веселовский в работе, только теперь опубликованной, оказывается, уже писал, что в эпическом Владимире Тидрексаги он не усматривает «Владимира Святого (ок. 1000 г.), как это делает Мюлленгоф».³⁶ Веселовский проанализировал сведения саги, относящиеся к эпической генеалогии ее русских персонажей. В результате детального разбора с привлечением поэмы «Ортнит» и обстоятельных сравнитель-

³³ См., например: *Майков Л.* О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 30; *Ягич И. В.* О славянской народной поэзии // Славянский ежегодник. Киев, 1878. Кн. 3. С. 219—221; *Лобода А. М.* Русский богатырский эпос. Киев, 1896. С. 19—25; *Дашкевич Н. П.* Центральные герои русского былевого эпоса... С. 73—76; *Chalanskiy M.* Ilias von Reussen und Ilja Muromec // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1903. Bd 25. S. 440; *Ярхо Б. И.* Илья, Ильяс, Хильтебрант // ИОРЯС. Пг., 1918, Т. 12, кн. 2. С. 326—337; *Лященко А. И.* Былины о бос Ильи Муромца с сыном // Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л., 1925. С. 36—68 (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 190); *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос. М.; Л., 1963. С. 165—178; *Астахова А. М.* Былины: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 224—225.

³⁴ См.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. М.; Л., 1960; Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. М., 1977; Былины и песни южной Сибири / Собрание С. И. Гуляева. Новосибирск, 1952.

³⁵ *Гацик В. М.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М., 1989. С. 53.

³⁶ *Веселовский А. Н.* Былины о Волхе Всеславьевиче... С. 281.

ных данных ученый пришел к заключению, что имя Владимирова отца в саге представляет собой видоизмененный германский эквивалент славянского имени Всеслав.³⁷

Таким образом, выясняется, что былинному князю Руси Владимиру Всеславичу соответствует в Тидрексаге «конунг» Владимир Всеславич, при котором Русь подвергалась нашествиям гуннов и готов, а былинному богатырю Илье — «ярл» Илья, герой сражений с этими противниками Руси.³⁸ Существенно, что разные памятники германского эпоса не расходятся в характеристиках Ильи, отмечая не только его исключительные качества воина, но и его высокий социальный статус.

5

Однако в былинах нередко говорится, что Илья Муромец — сын крестьянина или что он — казак. Глава исторической школы русских эпосоведов Всеволод Миллер в ряде своих трудов доказывал, что крестьянином главный герой русского эпоса становился уже в тот период, когда бытование былин сосредоточилось в крестьянской среде, а казаком — в Смугное время, в связи с активизацией тогда казачества.³⁹ В записанных текстах былин встречаются только отзвуки прежних представлений о высоком общественном положении Ильи, на что справедливо обращал внимание В. Ф. Миллер.

Вместе с тем характерно, что образы двух других особенно популярных эпических героев — Добрыни и Алеши — при бытовании былин в крестьянской среде подобных изменений не претерпели: Добрыня остался родственником былинного князя Владимира, соответственно тому, каковым был исторический Добрыня по отношению к историческому князю Владимиру Святославичу; Алеша остался сыном клирика, соответственно тому, каковым был фигурирующий в летописях «храбр» Александр Попович. Деятельность исторических лиц, послуживших прототипами этих богатырей, согласно показаниям летописей,

³⁷ См.: Там же. С. 306—309. НИЛ именует Владимирова отца не Всеславом, а Вандалом. Ее позднейший редактор, вероятно, знал о народе вандалов, жившем некогда вблизи тех мест, о которых идет речь в НИЛ, и мог предполагать (подобно некоторым историкам нового времени), что вандалы относились к славянам. В соответствии с историографической модой XVII в. этноним был использован как имя собственное — возможно, вследствие ошибочного прочтения неясного в ветхой рукописи имени Всеслав.

³⁸ Так как Ортнит, по заключению Веселовского, соответствует былинному Волху Всеславичу, являясь вместе с тем племянником былинного Владимира Всеславьевича, возникало затруднение, которое устранялось тем, что Веселовский предположил наличие в этой генеалогии двух Всеславов — отца и сына, из которых первый являлся отцом Владимира, а второй — отцом Волха, тождественного Ортниту (см.: *Веселовский А. И. Былины о Волхе Всеславьевиче...* С. 306—309).

³⁹ См., в особенности: *Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности.* М., 1910. Т. 2. С. 307—358; М.; Л., 1924. Т. 3. С. 130—135. Обратившись к эпитету Ильи «старый казак», В. Ф. Миллер пояснил, ссылаясь на труды историков, что значение его было «служилый казак, казак оберсегатель» (Там же. Т. 3. С. 142).

может быть отнесена к X—XIII столетиям. За шесть веков устной передачи посвященных им былины до первых научных записей симпатии крестьянских сказителей не успели превратить в крестьян никого из богатырей, соотносимых с представителями иных слоев населения Киевской Руси.

Естественно полагать, что преобразование характеристик гораздо более древнего богатыря Ильи явилось результатом слияния прежнего эпического образа с образом одноименного фольклорного персонажа более позднего происхождения. К уяснению этого отчасти был близок уже Ф. И. Буслаев.⁴⁰ Но вплотную подошел позднее В. Ф. Миллер. Он указывал на необходимость различать в дошедших до собирателей былинах «северо-западного Илью, получившего силу от Святогора, от северо-восточного муромского крестьянина-сидня, исцеленного каликами и получившего силу от чудесного питья». Напомнив об Илье Русском в поэме об Орнитие и о ярле Илье в Тидрекаге, ученый отождествляет именно с этим эпическим образом былинного Илью, обязанного силой древнему Святогору (предание о котором «сложилось в северо-западной полосе России, в пределах псковских и Чудского озера»). Резюмируя, В. Ф. Миллер пишет: «*Этот Илья не муромский мужик, а Илья западный, потомок того, которого имя попало в немецкую поэму и скандинавскую сагу*».⁴¹

«Потомком» древнего Ильи Русского в дошедших до собирателей фольклора былинах стал богатырь Илья Муромец, прозвание свое получив от повлиявшего на эволюцию былинного образа позднейшего персонажа — муромского крестьянина Ильи. Военские подвиги его прототипа летописцами не были отмечены, но благочестивая кончина преподобного Ильи Муромца (при отсутствии, однако, Жития) засвидетельствована Церковью.⁴²

Следует отметить в данной связи обстоятельство более существенное: очевидную неполноту соответствий между былинным историческим самосознанием и исторической реальностью времен Владимира Святого и Владимира Мономаха (признававшихся, впрочем, справедливо двумя прототипами былинного князя Владимира). Наличие бесспорно позднейших слоев в некоторых былинных характеристиках взаимоотношений эпического главы Русской земли с его окружением, давно указанное и объясненное исследователями, далеко не исчерпывает суть противоречия. Оно состоит не столько в эпизодических, явно наносных отзвуках реалий московского самодержавия, сколько в чертах, так ска-

⁴⁰ См., в особенности: *Буслаев Ф. И.* Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 104—110. Как писала, ссылаясь на другую его работу, Г. В. Глазырина, «Ф. И. Буслаев высказал мысль о том, что прежде Ильи Муромца в эпической поэзии был другой Илья, возможно просто Илья Русский». Но эта информация, к сожалению, не вполне точна: обозначение «Илья Русский» не используется самим Буслаевым — ни на странице, которую указала в сноске Глазырина, ни на других страницах. Ср.: *Глазырина Г. В.* Илья Муромец в русских былинах... С. 200.

⁴¹ *Миллер В. Ф.* Очерки... Т. 3. С. 131.

⁴² По новому стилю память преподобного Ильи Муромца — 1 января. Подборка сведений о нем: [*Барсуков Н. П.*] Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 219—221.

зять, противоположных, но пронизывающих, напротив, самую основу былинных повествований. Это патриархальный «демократизм» княжеской власти и архаичность социального уклада в эпосе — слишком недостаточно соответствующие показаниям источников о Киевской Руси (на что уже не раз обращалось внимание в науке).

Объяснение фундаментальных черт любого исторического эпоса следует искать в реалиях эпохи, которой обязан был этот эпос своим возникновением и, соответственно, формированием основополагающих признаков. В древнерусском эпосе они восходят не к времени Владимира Святославича, а к общественным отношениям (и историческим ситуациям) гораздо более ранним.

Сущность условий, наиболее благоприятных вообще для возникновения народного эпоса, была охарактеризована А. Н. Веселовским — в теоретических обобщениях, осуществленных в 1880-х гг., но только теперь наконец опубликованных. Такие условия Веселовский определял как «выход в историю»: это «большие народные военные движения, новые оседлости, новые политические сложения».⁴³ В качестве примеров он назвал Троянскую войну, переселение народов, борьбу с сарацинами, отобразившуюся в эпосе старофранцузском. Не останавливаясь в данной связи подробно на русских былинах, Веселовский упоминает очевидность того, что «борьба с татарами заслонила собой другую, более древнюю, лежавшую в основе древнейшего эпоса».⁴⁴

Более древняя борьба, но масштабам и напряжению своему сопоставимая с борьбой против Золотой Орды, — это едва ли отражение половецких набегов при Владимире Мономахе, печенежских — при Владимире Святом, едва ли отпор притязаниям хазарских каганов при его предшественниках или предпринимавшиеся ими успешные и неуспешные заморские и зарубежные походы. Все это, конечно, должно было влиять на древнерусский героический эпос, и нетрудно указать в дошедших былинах отголоски упомянутых исторических ситуаций. Но все же «выход в историю» древнерусского этноса следует, очевидно, соотносить не с призыванием Рюрика, а с Великим переселением народов.

Это проявилось не только о том, что по своей типологии и ряду конкретных признаков некоторые сюжеты и персонажи были тяготеют еще к III—IV столетиям.⁴⁵ В русском эпосе видны отзвуки характерного для тех времен общественного устройства (о чем напоминал Веселовский) и происходивших тогда действительно грандиозных межэтнических катаклизмов, судьбоносных для народов, которые выдержали эти исторические испытания.

Существенно, что не одна Тидрексага отобразила крупные военные столкновения, в которых участвовали гунны и русские. Почти на полвека ранее этой саги о таких событиях писал Саксон Грамматик в своем

⁴³ Веселовский А. Н. Эпос / Публикация С. Н. Азбелева // Александр Веселовский: Избранные труды и письма. СПб., 1999. С. 101.

⁴⁴ Там же. С. 102.

⁴⁵ См., например: Балашов Д. М. Из истории русского былинного эпоса // Русский фольклор. Л., 1975. Т. 15. С. 26—54.

туде «Деяния данов», соответствующая часть которого основана на передаче эпических сказаний древних датчан.⁴⁶ По своему жанру этот материал аналогичен Тидрексаге, историческое зерно угадывается с трудом, будучи заслонено традиционными мотивами эпоса. Однако не раз говорится о Руси, упомянута укрепленный Полоцк.⁴⁷ Решающая роль в борьбе против гуннов отведена датскому королю Фротону, но из текста следует, что в событиях участвуют русские. Говорится о семидневном победоносном сражении с гуннами, в котором сразу же «образовались такие груды убитых, что три главные реки Руси, вымощенные трупами, наподобие мостов, стали легко проходимыми для пешеходов».⁴⁸ После описания битвы сказано о распределении земель между победителями гуннов, причем Северная Русь обозначена как «Holmgardia».⁴⁹ Об истолковании скандинавами термина «Holmgard» речь пойдет далее. Пока же необходимо подчеркнуть, что независимые друг от друга источники — датский и норвежский, совершенно по-разному трактуя события борьбы против гуннов, оказываются единодушны в представлении, что Русь участвовала в этой борьбе.

Однако причастность русских к тому, что совершалось в Европе в эпоху Великого переселения народов, едва ли могла ограничиваться сражениями с войсками гуннов. Тогдашние перемещения племен и этнических групп, вступавших в разнообразные военные союзы, в самых общих чертах известны. Но далеко не все описывали детально авторы немногих дошедших до нас исторических сочинений того времени. Поэтому не стоит пренебрегать и поздними отображениями в русской устной традиции. Фрагментарные припоминания об исторических ситуациях V—VI вв., как можно полагать, даже в XV—XVI столетиях могли еще сохраняться (будучи, конечно, деформированы позднейшими осмыслениями) — подобно тому, как в устном репертуаре XIX столетия бытовали еще остатки воспоминаний о событиях IX в., переосмысленные в позднейших преданиях о Гостомысле и Рюрике, которые успели записать собиратели фольклора в новое время.

Это побуждает отнестись со вниманием к произведенной в 1525 г. Павлом Иовием Новокомским (Паоло Джовио) записи ответа русского гонца в Риме Дмитрия Герасимова на вопрос, не осталось ли у русских «какого-нибудь передаваемого из уст в уста от предков известия о готах или не сохранилось ли какого-нибудь записанного воспоминания об этом народе, который за тысячу лет до нас низвергнул державу цезарей

⁴⁶ См.: Saxonis Grammatici Gesta Danorum / Herausgegeben A. Holder. Strassburg, 1886.

⁴⁷ Выполненный Е. Б. Кудрявцевой перевод соответствующих фрагментов труда Саксона Грамматика был не так давно напечатан (см.: Откуда есть пошла Русская земля / Сост. А. Г. Кузьмин. М., 1986. С. 632—646).

⁴⁸ «Cuius prima dies tanta interfectorum strage recruduit, ut praecipui tres Rusciae fluvii cadaveribus velut ponte constrati pervii ac meabiles fierent» (Saxonis Grammatici Gesta Danorum. P. 159).

⁴⁹ Г. В. Глазырина, приведя этот отрывок в латинском оригинале, дает его далее в переводе А. В. Подосинова. Комментируя текст, она высказывает предположение, что топоним «Holmgardia» использован Саксоном «для обозначения Новгородской земли или княжества» (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 135).

и город Рим, подвергнув его предварительно всевозможным оскорблениям».

Согласно передаче Иовия, Герасимов «ответил, что имя готского народа и царя Тотилы славно у них и знаменито и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими московиты. Затем, по его словам, их войско возросло от притока ливонцев и приволжских татар, но готами названы были все потому, что готы, населявшие остров Исландии или Скандинавию (Scandauim), явились зачинщиками этого похода».⁵⁰

Насколько точно зафиксировал Иовий сказанное ему Герасимовым, мы, конечно, не знаем. Явно поздним осмыслением XV—XVI вв. обязаны упоминания ливонцев и татар, а термин «московиты» характерен для обозначения русских в Западной Европе, им постоянно пользуется сам Иовий. Географические и исторические ошибки и неточности не отрицают ценности главного содержания информации, которую сообщил Герасимов: остаются правдоподобные в своей основе сведения об участии предков «московитов» в разноплеменных войсках, вместе с готами завосывавших неоднократно Рим и подчинявших Италию — не только во времена Тотилы (что не противостоит обобщающим научным воззрениям XX столетия).⁵¹ От кого и где усвоил это представление переводчик, позднее участвовавший в работе по подготовке в Новгороде Геннадиевской Библии, неизвестно. Исследовавшая его деятельность Н. А. Казакова высказывала предположение, что «Герасимов был уроженцем Новгорода».⁵²

Память об эпохе Великого переселения народов, смутно и фрагментарно сохраненная преданием, которое было знакомо русскому человеку начала XVI в., вряд ли не получала трансформированного отображения и в устном героическом эпосе, бытовавшем тогда в пределах Новгородской земли.

Так как формирование основного ядра древнерусского эпоса происходило, очевидно, за несколько веков до эпохи Владимира Святого, следует признать обязанные ей исторические реминисценции в принципе такого же рода вторичными привнесениями, каковы обязанные уже

⁵⁰ Цит. по изд.: *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о московитских делах. *Новокомский Павел Иовий*. Книга о московском посольстве / Ведение, перевод и примеч. А. И. Малюгина. СПб., 1908. С. 262 (благодарю П. Д. Мальгина, обратившего мое внимание на эту информацию Павла Иовия). Е. Е. Замысловский в своем труде об историко-географических известиях у Герберштейна, где есть упоминания об Аттиле в связи с юграми, которые русскими отождествляются с гуннами, сопоставил этот материал и сообщение Дмитрия Герасимова об участии русских в походах готов. По убеждению Замысловского, такие рассказы «заслуживают внимания», так как в них «высказывается желание указать на всемирное значение русской народности» как раз «в то время, когда Москва стала прочным государственным центром Русской земли» (*Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России*. СПб., 1884. С. 56).

⁵¹ Ср., например: *Вернадский Г. В.* История России: Древняя Русь. Тверь; М., 1997. С. 139—189.

⁵² *Казакова Н. А.* Дмитрий Герасимов и русско-европейские связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 252.

XIII—XVI вв. устойчивое наименование исторических противников Руси татарами, нередкое в былинах название Куликова поля, имена вражеских предводителей Батгя, Мамайя и т. п. Но дело не только в именах и географических реалиях. Сами сюжеты основных былин об отпоре вражеским нашествиям — в том виде, в каком они дошли до собирателей фольклора, — предстают как отзвуки достаточно известных событий XIII—XV вв., но вместе с тем — как переработки произведений более ранних.⁵³

Стабильные категории народного самосознания, естественно, отбражались в наиболее устойчивых, типовых сюжетах эпических песен. Привязка такого сюжета к позднему историческому факту, сопровождавшаяся введением в предшествовавший текст соотносимых именно с данным событием повествовательных мотивов, наиболее ощутима в былинных именах. Однако замена их в подобных случаях происходила, по-видимому, относительно редко: вводились новые герои, но маркированные образы наиболее привычных и особенно любимых персонажей в эпосе оставались.

6

Сага о Тидреке Бернском и поэма «Ортнит» — а говоря точнее, те устные эпические произведения, которые ими отражены, — как бы передают два периода эпической «биографии» Ильи. Ранние свои подвиги Илья совершает, будучи «ярлом» при «конунге» Северной Руси Владимире Всеславиче и отражая натиски гуинов. В дошедших до нас былинах с первым периодом условно можно сопоставить те сюжеты их, где Илья Муромец служит киевскому князю Владимиру, обороняя Русскую землю — главным образом от татарских нашествий.

Второй период предстает в поэме «Ортнит». Покинув Русь, Илья совершает подвиги, помогая своему родственнику за ее рубежами — вооруженным истреблением язычников. В дошедших былинах не сохранилось прямой соотнесенности Ильи и Волха, который Веселовским убедительно отождествлен с Ортнитом. Но несколько былинных сюжетов посвящено аналогичного рода подвигам Ильи, совершаемым вдали от Русской земли.

Можно по-разному оценивать степень переработки в Тидрексаге ее немецких устных источников, но было бы, конечно, неправомерно возводить к плодам этой переработки все сведения о Руси и русских персонажах. Столь же неоправданно возводить эти сведения к плодам восприятия носителями немецкой устной традиции впечатлений от фактов славяно-германских отношений в период, непосредственно предшествовавший написанию Тидрексаги. То и другое, разумеется, должно было отобразиться в ее дошедших текстах, и вообще невозможно допустить, чтобы она оказалась свободна от подобных воздействий — не только в деталях и способе изложения, но и в восприятии его историче-

⁵³ См. об этом: *Азбелев С. И.* Историзм былин и специфика фольклора. С. 134—200.

ской канвы. Закономерности устного бытования исторических сведений на протяжении нескольких столетий, несомненно, должны были проявиться в существенных деформациях содержания первоначальных отображений борьбы гуннов против Руси. Но невозможно оспаривать само существование исторической основы, как невозможно игнорировать результаты лингвистов и археологов относительно существования в тот период не только славян, но и собственно руси. В этом убеждает совокупность данных, добытых исследованиями последних десятилетий.⁵⁴

Фигурирующие в Тидрекаге города Русской земли — это прежде всего «Holmgard», Полоцк и Смоленск. Все их упоминания сагой были в науке тщательно фиксированы и снабжены историческими справками еще около полувека назад.⁵⁵ Теперь издана сводная работа Т. Н. Джексона, основанная на совокупности древнескандинавских источников, где много места уделено Полоцку; но не обойден вниманием и Смоленск.⁵⁶

В реальное существование тогда на Руси городов, снабженных каменными стенами и башнями, о которых не раз говорит сага (характеризуя в особенности Полоцк), поверить, конечно, так же трудно, как и в то, что мнимая победа над русскими под Смоленском была одержана благодаря решающей помощи Аттиле со стороны Тидрека, исторический прототип которого на самом деле родился в год смерти Аттилы.⁵⁷ Но, согласно данным археологии, не собственно города, а протогородские поселения могли уже в то время существовать на месте нынешних городов или в некотором отдалении от них. Смоленск засвидетельствован археологически только к IX столетия. Хотя вопрос о местоположении первоначального города давно является предметом дискуссии,⁵⁸ причем высказывалось мнение, что его «ранние культурные напластования могли быть уничтожены»,⁵⁹ это все же не относится ко времени ранее IX в.

⁵⁴ См., например: *Седов В. В.* 1) Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 58—67, 117—127; 2) Славяне в римское время. М., 2003. С. 12—20; *Трубачев О. И.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2002. С. 432—443.

⁵⁵ См.: *Puff W.* The geographical and ethnic names in the Pidriks Saga. Cambridge, Mass., 1959. P. 89—90, 117—118, 145—146, 169—170.

⁵⁶ См.: *Джексон Т. Н.* Austr i Gjordum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001; о Полоцке — главным образом на с. 23—40, о Смоленске — на с. 72—76.

⁵⁷ Внимательно изучившая этот вопрос Г. В. Глазырина пришла к обоснованному заключению, что «мы не имеем достаточных оснований считать описание Полоцка в „Саге о Тидреке Бернском“ исторически достоверным». По-видимому, «создатели саги воспроизвели обобщенное представление о городе, распространенное в Скандинавии и сложившееся на основе практического знакомства с западно- и восточноскандинавскими городами» (той, естественно, эпохи, в какую составлялась сага). См.: *Глазырина Г. В.* Русский город в норвежской саге. К вопросу о достоверности исторических описаний в сагах // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 55.

⁵⁸ См.: *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980. С. 136—146.

⁵⁹ *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 244.

Однако Полоцк, который, согласно Тидрекаге, был полностью разрушен гуннами, стоит на месте древнего городища, нижний культурный слой которого датируется либо «второй половиной I тысячелетия до н. э. — рубежом н. э.»,⁶⁰ либо — «первой половиной I тыс. н. э.».⁶¹

Судя по изложению Тидрекаги, центром Руси ее составители считали, вне сомнения, «Holmgard». Рассказывая о неприятельском вторжении в пределы Русской земли еще при Владимиром отце (называемом здесь Гертнитом), сага говорит, что вражеский предводитель «въехал в Хольмгард, который был главным над городами конунга Гертнита».⁶² Из Хольмгарда осуществляет и свой ответный поход русский «конунг»: он «снарядился в поход из Хольмгарда и направился к северу по пути к земле вилькинов».⁶³ Главным городом Руси Хольмгард остается и при Владимире, когда тот воюет против гуннов. Согласно изложению саги, «Владимир, конунг Хольмгардский < ... > пришел в землю гуннов и производит опустошение с огромным войском».⁶⁴

Маловразумительно беглое упоминание только в одном из двух ранних списков этой саги Киева (который, согласно киевскому Синописису, был основан в 430 г.,⁶⁵ а согласно выводам украинских археологов, лишь после середины V в. как поселение реально существовал).⁶⁶ Но в саге говорится подробно о военных действиях гуннов против Северной Руси. Именно там, судя по эпическим повествованиям саги о Тидреке Бернском, находилась в V в. основная часть владений русских «конунгов». С этим согласуется соответствующая часть текста Иоакимовой летописи: о древнем князе Владимире, о его предках и его потомках здесь говорится в контексте географических реалий Северной Руси и Прибалтики, но не Киевщины.

Названия русских городов сага, записанная в Норвегии в XIII столетии, передала, естественно, в соответствии со скандинавской средневековой терминологической традицией. Термин «Holmgard» ис-

⁶⁰ Алексеев Л. В. Полоцкая земля в XI—XIII вв. М., 1966. С. 134.

⁶¹ Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975. С. 24.

⁶² «Inn i hollmgard. er hafudstadr er haertnids konongs» (Pidriks saga af Bern. Bd 1. S. 45).

⁶³ «Reid sina ut af holmgarde oc dridr nordr aleid til villcinalandz» (Ibid. Bd 2. S. 67).

⁶⁴ «Valldemar konungr af holmgarde <...> kominn i hunaland oc haeriar med almikinn haer» (Ibid. S. 183).

⁶⁵ См.: Синописис, или Краткое собрание от различных летописцев... Киев, 1680. Л. 11 об. Первоисточник сведений, впрочем, неясен: «Един точно летописец описал основание Киева року от Рождества Христова 430», на поле дана отсылка к Стрыйковскому, но в его «Хронике» известие об основании Киева даты не содержит (см.: Kronika Polska, Litewska, Zmodzka i wszyskiej Rusi Macieja Strzykowskiego... z roku 1582... Warszawa, 1846. Т. 1. С. 112).

⁶⁶ Согласно данным, обобщенным П. П. Толочко, поселения, появившиеся «в различных районах на территории будущего Киева в последних веках до н. э.», впоследствии угасали. «Материалы IV в. встречаются очень редко, материалы первой половины V в. на территории Киева практически не найдены» (Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 24). В последнее время ставились под сомнение выводы П. П. Толочко и Б. А. Рыбакова о возобновлении поселения на Замковой горе Киева уже во второй половине или конце V в. (см.: Колмар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Київ, 2005. Т. 4. С. 119—120).

пользовался не как специальное название именно Новгорода или всхолмленной части его Славенского конца, или Городища, а являлся просто «обозначением столицы Северной Руси».⁶⁷ В период, когда составлялась на основе немецких устных источников письменная Сага о Тидреке Бернском, Хольмгард, конечно, ассоциировался у скандинавов с Новгородом.⁶⁸ Но в каком месте за семь веков до того находился центр Северной Руси в период ее противостояния гуннам, предстоит еще выяснить археологам.

Как обнаруживается, задача эта хотя и весьма трудна, но осуществима. До последнего времени археологические исследования Новгорода, Городища и Ладоги фиксировали находки не старше VIII в. Но на проходившей в январе 2006 г. в Великом Новгороде ежегодной конференции археологов и историков прозвучал доклад о раскопках 2005 г. в Восточном Приильменье. Там были обнаружены остатки бревенчатых построек, датируемых второй и третьей четвертями V в.⁶⁹

Хорошо известны исторические примеры позднейшего возобновления на ином месте городов после вражеских нашествий. Вторично возникла Рязань на основе Переяславля-Рязанского, причем территория древней Рязани после ее разрушения татарами осталась незаселенной. По археологическим данным, Полоцк еще и в X в. «был разрушен и сожжен», после чего полоцкие князья «возвели новую крепость на более удобном месте, в устье р. Полоты».⁷⁰ В период нашествий гуннов центр Северной Руси (и не только он) мог не один раз менять свое местоположение. То, что нашли археологи в Восточном Приильменье, — это, как можно думать, следы одного из многих тогдашних поселений будущей Новгородской земли. Но поиски их весьма затруднены тем, что в V в., очевидно, еще не сооружались высокие насыпи для возведения городских стен, подобные валам, указывающим до сих пор местоположение старой Рязани.

Письменные скандинавские источники начали появляться гораздо позднее, поэтому дополнить данные археологии они могут только тем, что фиксируют бытие русских городов, существовавших в X в. и в последующее время. Но немецкие устные источники, использованные в Тидрексаге, отображали традицию, которая так или иначе восходила к произведениям, использовавшим припоминания о событиях V в., о действовавших в этом столетии исторических персонажах, о тогдашних географических реалиях.

⁶⁷ Джаксон Т. Н. Austr i Gordum: Древнерусские топонимы... С. 92.

⁶⁸ «В письменных памятниках Скандинавии, — писала ранее Е. А. Мельникова, — доминирует представление о Новгороде как столице Руси, а о Новгородской земле как „самой лучшей части Гардарики“» (Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: Материалы научной конференции. Л., 1984. С. 129).

⁶⁹ Доклад «Комплексное исследование Восточного Приильменья в 2005 г.» прочитан 24 января 2006 г. Докладчики О. Ф. Дзюба, И. И. Еремеев, О. В. Лисицына (Санкт-Петербург).

⁷⁰ Алексеев Л. В. Полоцкая земля... С. 136.

Сколько-нибудь четко вычленив в саге историческую правду из обильного эпического вымысла, конечно, невозможно. Но вместе с тем невозможно объяснить случайностью наличие существенных совпадений в независимых друг от друга источниках. О противостоянии Руси гуннам говорится в весьма различных по основному содержанию отображениях древнего эпоса, которые дошли в письменных фиксациях у норвежцев и у датчан. Приурочение в былинах именно к Владимиру Всеславичу эпического противостояния вражеским нашествиям, по масштабам своим не имеющим исторических аналогий в княжение Владимира Святого, но сопоставимым с описанными в повествованиях Тидрексаги, побуждает признать последние отображением ситуаций, которые могли служить первоначальной исторической основой центрального былинного цикла. Естественно, что конкретное содержание дошедших в относительно недавних записях многослойных былин о борьбе против вражеских нашествий очень мало соотносимо с той интерпретацией исторической основы, какая присутствовала в германском эпосе, трансформированно отобразившем самосознание отнюдь не Руси, а остготов, реально участвовавших в военных действиях, которые вел Атилл.

Древнерусский исторический эпос, чей возраст составляет более полутора тысяч лет, состоит из отдельных песен, не сложившихся в эпопею, закономерно венчающую, согласно А. Н. Веселовскому, естественную эволюцию эпоса. Однако им же были оговорены закономерные исключения из общего правила: для древнерусского эпоса, писал Веселовский, «вопрос решается так же, как для сербских и испанских песен: долгая борьба с иноплеменным нашествием плодила песни и песенных героев, но она стала прошлым событием лишь тогда, когда условия сложения эпосов уже пережиты были историей».⁷¹

Перманентность борьбы с нашествиями иноплеменников достаточно известна: за борьбой против гуннов последовало аварское вторжение, за ним — борьба против натиска хазар, потом — оборона от печенегов, затем — половцев, почти непрерывно ведшаяся вплоть до захлестнувшего Восточную Европу нашествия орд, ведомых наследниками Чингисхана. Окончательное освобождение наступило только в эпоху позднего средневековья, ознаменованную становлением самодержавной власти Ивана III.

Но Веселовским же был отмечен далеко не уникальный «факт сохранения в народе древних песен»: он пояснил, что «в конце развития, когда понятие „народного“ дифференцировалось на „простонародное“ и „культурное“, — элементы древней песни живут в простонародьи, сохраняются областной памятью. Такова сохранность русской былинны на наших окраинах, португальского романса на Азорских островах, куда он проник в XV веке».⁷²

⁷¹ Веселовский А. Н. Эпос. С. 102.

⁷² Там же. С. 105.

Наследие древнерусского эпоса, представшее перед собирателями XIX столетия на территории бывших владений Великого Новгорода, конечно, не могло уже быть адекватным отображением общенародного самосознания многовековой давности: «Когда цельность народных интересов разрушена и часть нации удалена от участия в политике и правлении, эпос „народный“ невозможен, — писал А. Н. Веселовский. — Поэтический репертуар народа питается среди прочего перепевами старого, окрашивая его своеобразно, смотря по требованиям и вкусам времени (Сид XII века и Сид позднейших романсов, Илья современной былины и Илья древнейшей песни)».⁷³

Среди записанных в новое время былин об Илье есть, как известно, произведения, гипертрофированно и даже грубо трактующие противоречия между богатырем и князем, содержащие насмешки над ним и его окружением, и т. п. Явления этого рода оговорены были Веселовским, писавшим, что, когда наступают «раздвоение народного сознания и словесная рознь», происходит «дифференциация эпоса»: «эпос простонародный», носителем которого становится «vulgus», отображает «суженность, самозаключенность его интересов; в параллель тому — отличия его эпоса». Имеют место «перепевы старых сюжетов народного эпоса, с новым пониманием и искажением». При этом «несоразмерность древних идеалов с новыми, вульгарными, ведет к искажениям особого рода: грубые преувеличения (русский эпос), юморизм и т. п.».⁷⁴

Последствия раздвоения народного сознания, не раз подчеркнутые Веселовским при характеристиках общей эволюции устного эпического творчества, помогают объяснить некоторые позднейшие особенности былин. В частности — наслонение на древний эпический образ Ильи Русского (и связанные с ним сюжеты) бытовых черт крестьянина Ильи Муромца и мотивов, обязанных фигуре казака Смутного времени.⁷⁵ Первоначальную же историческую основу эпического образа богатыря Ильи следует, конечно, искать не в X—XII вв., а, по меньшей мере, на полтысячелетия раньше, — сопоставляя с былинами об Илье и Владимире чрезвычайно краткие реминисценции древнерусского эпоса в Новгородской Иоакимовской летописи и несравненно более подробные, но пристрастные и весьма отягощенные вымыслом повествования в литературных обработках германского эпоса.

Результаты произведенных сопоставлений свидетельствуют, что взаимодействие эпоса древнегерманского с древнерусским началось отнюдь не в XI или XII столетиях. В германских эпических сказаниях отобразились не былины об управлявшем Русской землей на рубеже X и XI вв. князе Владимире Святославиче и не былины того времени о будто бы служившем именно этому князю, но оказавшемся без зафиксированного прототипа эпическом богатыре Илье. Исторические прототипы русских персонажей в средневековых письменных версиях германского эпоса следует искать между современниками его германских исторических прототипов.

⁷³ Там же. С. 104—105.

⁷⁴ Там же. С. 108.

⁷⁵ Ср.: Миллер В. Ф. Очерки... Т. 3. С. 136—142.

Такого рода наблюдения относительно некоторых второстепенных фигур эпоса отчасти уже производились предшественниками А. Н. Веселовского, но их результаты не были им приняты. Однако у Иордана среди упомянутых им лиц есть сопоставимые не только по сходству имен, но и по частичному соответствию отрывочных и лапидарных биографических данных тому, что можно извлечь об этих персонажах из повествований германского и русского эпоса. Уже осуществлялись не так давно сопоставления русского Владимира Тидрексаги с упоминаемым у Иордана историческим лицом V в., сходным не только именем, но и деяниями.⁷⁶ Подобные наблюдения могут быть продолжены с привлечением персонажей, упомянутых в обязанной древнерусскому эпосу части НИЛ и имеющих аналоги в письменных фиксациях эпосов иноязычных.

Неудивительно отсутствие известий об Илье Русском в летописях. Киевская «Повесть временных лет», возникшая на основе сводов, составившихся при киевских наследниках Рюрика, в сущности, только с них начинала изложение русской истории, используя в небольшой степени местные исторические предания о предшествовавших временах. Очень выборочно привлекла подобный материал и Новгородская Иоакимовская летопись. Составителя ее, однако, интересовала генеалогия славянских предков Владимира Святого, так как его прадед Рюрик, согласно этой летописи, по женской линии являлся потомком древнего Владимира Всеславича — того, который, как теперь выясняется, послужил, очевидно, первым прототипом былинного князя Владимира. Происхождение Ильи выводило его за рамки прямого генеалогического ряда НИЛ, но не помешало, конечно, стать со временем главным героем былин, сконцентрировавшихся вокруг фигуры князя Владимира.

8

Как уже говорилось, совокупные показания памятников германского эпоса позволяют заключить, что после борьбы с гуннами Илья Русский попадает в Италию; здесь он оказывает дружеские услуги своему племяннику королю Ортниту, помогая ему добыть невесту вопреки военному противодействию ее отца. В Италии же, согласно саге, находилась дочь Ильи, которая еще ребенком оказалась заложницей при дворе Аттилы, откуда впоследствии была похищена ее итальянским женом.⁷⁷

В сохранившихся былинах об Илье обнаруживаются вполне ясные иногда намеки на то, что его эпическая «биография» отчасти связана с Италией. Былинам небезызвестна «Латынская земля», как обозначали католические страны, в частности Италию, в Древней Руси.⁷⁸ Именно в связи с Ильей былины упоминают «Латынские горы», а сам Илья неред-

⁷⁶ См.: *Lukman N. Didreks saga og Theodorics historie: Fra historie til saga og folkevis.* Kobenhavn, 1941. S. 24.

⁷⁷ См.: *Pidriks saga af Bern.* Bd 2. S. 106—109.

⁷⁸ См.: *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1981. Вып. 8. С. 178—180.

ко едет по «Латынской дороге». Существует былина о встрече уже старого Ильи с неизвестным взрослым сыном. Тип ее сюжета международно распространен, проводились сопоставления русской и германской версий. Но любопытно, что в вариантах русской былины мать молодого богатыря бывает названа «бабой латынгоркой», с которой Илья прижил сына, рожденного в «горах Латыньских» — вдали от русских пределов.⁷⁹

Наиболее интересен особый вариант, записанный в 1871 г. на берегу Онежского озера от превосходного знатока былинной традиции Трофима Григорьевича Рябинина. Здесь говорится о встрече богатыря не с сыном, а с дочерью, которая разыскивает отца и в ответ на расспросы Ильи говорит, что она родилась в Италии, где живет еще ее мать. Из диалога выясняется, что у матери ее жил Илья, когда служил итальянскому королю. Привожу в сокращении этот диалог:

Есть я родом из земли да из Тальянскою,
У меня есть родна матушка честна вдова,
Да честна вдова она колачница <...>
И отпустила меня ехать на святую Русь
Поискать соби да родна батюшка...

Илья, узнав, что это его дочь, говорит ей:

А когда я был во той земли во Тальянскою,
Три году служил я у короля тальянского,
Да я жил тогда да й у честной вдовы,
У честной вдовы да й у колачницы...

Наши эпосоведы не раз отмечали высокие художественные достоинства этого варианта. Он был закономерно включен в составленную А. М. Астаховой академическую антологию былин, посвященных Илье, где дается и обстоятельная характеристика Т. Г. Рябинина, которому принадлежат «лучшие образцы былинного творчества».⁸¹ Но соотносимость данного образца с Италией при комментировании оказалась обойденной.

Объяснение следует искать в том, что былинные обозначения «Латынские горы», «Лагынская дорога» и «латынгорка» исследователи этого сюжета не попытались объяснить в связи с «Латынской землей», а стремились соотнести с термином «летьгола» или «латыгола», которым летописные известия XIII и XIV вв. обозначали латышей. Хотя в Латвии гор нет, «латышскую» гипотезу старался обосновать А. В. Марков.⁸² Однако ему резонно возразил В. Ф. Миллер, ранее пытавшийся вывести этот сюжет из Ирана. Но, доказательно опаривая аргументацию Маркова, Миллер разочаровался и в своей, придя в итоге к пессимистиче-

⁷⁹ Беломорские старицы и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подготовили С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 304—308.

⁸⁰ Илья Муромец / Подгот. текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958. С. 215—216.

⁸¹ Там же. С. 527—528.

⁸² См.: Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Этнографическое обозрение. М., 1900. № 3. С. 73—95.

скому заключению: «...все попытки приурочить первоначальный извод рассматриваемой былины к определенному времени или области представляются мне неубедительными».⁸³

Первоначальный извод эпического сюжета о встрече богатыря-отца с неузнанным богатырем-сыном действительно мог зародиться и в Иране, и в Средней Азии, и в России, и в Скандинавии, и в Германии, на что справедливо указал В. Ф. Миллер. Но русская версия в своих вариантах бывает уснащена «латынскими» географическими реалиями. Бесспорна географическая связь цитированного варианта именно с Италией и вполне очевидна сюжетная соотнесенность его с ролью Ильи в памятниках германского эпоса, также указывающих на Италию.⁸⁴

Согласно былинам, на «Латынской дороге» находится иногда богатырская застава, которую охраняет Илья; по «Латынской дороге» он едет, дабы совершить один из главных своих подвигов — победить Идолице; по ней он возвращается издалека, направляясь в Киев; на ней же он встречается своего неузнанного сына, с которым вступает в бой.⁸⁵ С «Латынской дорогой» бывают связаны и последние подвиги севернорусского богатыря, завершающие его эпическую «биографию». Это былина о «трех поездках» или о «последней поездке» Ильи: он

Ото младости ездил до старости <...>
Да слет-де старый чистым полем <...>
Да большой дорогой Латынскою,
Да наехал на дороге горюч камень...

На этом камне написано пророчество: что ждет путника, если он поедет по какой-либо из трех дорог, начинающихся от камня. Илья едет поочередно по каждой дороге; на двух первых побеждает разбойников и освобождает находившихся в заточении, а на третьей видит крест, стоящий над подземельем, в котором оказался богатый клад. Взяв его, Илья направляется в Киев,

Да построил он церковь соборную,
Соборную да богомольную.
Да и тут всдь Илья-то окаменел,
Да поныне ево мощи нетлсныы.⁸⁶

⁸³ Миллер В. Ф. Очерки... Т. 2. С. 185.

⁸⁴ С Италией в былинах оказываются иногда соотнесены и подвиги других богатырей. Добрыня Никитич, согласно записи от сказителя Василия Петровича Щеголенка, послан князем «во эту землю во Тальянскую»: ему предстоит там сразиться «за всру христианскую»; вернувшись, Добрыня на княжеском пиру вспоминает дальние земли, где он, очевидно, побывал: это Италия, Константинополь, Иерусалим и зсмля Сарацинская (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 298—305). Сказительница Домна Сурикова, исполняя новгородскую былинку о Ставре, повествовала, что из Италии будто бы прибывает в качестве мнимого свата переодетая жена Ставра с намерением освободить его из заточения (Там же. С. 426). В подобных случаях, которые вряд ли имеет смысл прямо соотносить с германским эпосом, проявилась, как можно думать, уже закрепившаяся в былинах тенденция, обязанная воздействию эпической «биографии» Ильи, наиболее определенно связавшей его с Италией в поэме «Оргнит» и в былинке о встрече Ильи с итальянской дочерью.

⁸⁵ Онежские былины... 4-е изд. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 388, 307, 286, 310.

⁸⁶ Там же. С. 161—164.

Мощи, сохраняемые доныне в катакомбах Киево-Печерской лавры, принадлежат канонизированному Русской церковью преподобному Илье Муромцу, которого народная молва отождествила с древним героем былинного эпоса.

Но к эпической «биографии» именно древнего Ильи Русского может быть присоединен и реальный исторический факт. Задолго до государственного принятия христианства князем Владимиром Святославичем в Киеве существовал соборный храм святого Ильи, упоминаемый «Повестью временных лет» в связи с событиями первой половины X в. При ратификации договора с Византией в 944 г. в присутствии византийских послов именно в этой соборной церкви Киева присягала христианская часть дружины князя Игоря: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, где стояше Перунъ, и покладаша оружие свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротъ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестяную Русь водиша ротъ въ церкви святаго Ильи, яже есть над Ручаемъ, конецъ Пасыньчъ бесѣды и Козарѣ: се бо бѣ сборная церкви, мнози бо бѣша варязи хрестяни».⁸⁷

Хорошо известен существовавший не только на Руси обычай возводить храм, посвящаемый тому святому, чье имя носил храмоздатель. Маловероятно, что именно эта церковь св. Ильи появилась уже в V или

⁸⁷ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 26. Предпринимались попытки установить точное местоположение тогдашнего храма (очевидно — деревянного). Оно предположительно определено на Подоле у берега Почайны, возможно, именно там, где в 1692 г. была построена небольшая каменная церковь св. Ильи. См.: *Закревский И.* Летопись и описание города Киева. М., 1858. С. 121—122. Специальное разыскание о древнем храме св. Ильи было осуществлено ранее Остромыслинским, см. его «Исследование о церкви Св. Ильи» (Киев, 1830. 37 с.). Трудно воспринимать серьезно сравнительно недавнюю попытку поставить под сомнение достоверность цитированного известия, предпринятую без внимательного прочтения летописного текста и без реальных представлений о передаче исторических сведений в средневековой устной традиции (см.: *Васильев М. А.* Степень достоверности известия «Повести временных лет» о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве // Древнейшее государство Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 64—71). По мнению автора этой попытки, составитель «Повести временных лет», включив в нее договор Игоря с Византией, присочинил вымысел о ратификации в Киеве. Упоминание о киевском храме св. Ильи, в котором присягнула христианская часть дружины Игоря, появилось будто бы вследствие ошибочного переноса из текста договора, где было упомянуто о клятве в Константинополе: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, и предскажемъ честнымъ крестомъ, и харатьею сею». М. А. Васильев полагает, что в договоре шла речь о клятве русских в церкви св. Ильи — приделе, пристроенном к церкви Богоматери Фаросской. Но ошибочным является само истолкование приведенной фразы упомянутым автором. Договор сообщал, что русские клялись не в церкви св. Ильи, а церковью св. Ильи, тогда как клятва происходила в соборной церкви Константинополя. М. А. Васильев думает, что «в дружинной памяти или в каких-то преданиях» обстоятельства утверждения договора не могли сохраниться на протяжении полутора веков, следовательно, они выдуманы летописцем. Приходится напомнить достаточно хорошо известные примеры продолжительности народной исторической памяти — хотя бы переданную той же «Повестью временных лет» речь Святослава перед дружиной: содержание этого текста близко соответствует тому, что некогда записал византийский современник (подробно об этом и о других подобных примерах см. в статье: *Азбелев С. Н.* История России в народной памяти // Тысяча лет русской истории в преданиях, легендах, песнях. М., 1999. С. 3—20).

VI в., но эпическая традиция могла быть использована при постройке или возобновлении храма, подобно тому, как она впоследствии влияла на народное почитание мощей преподобного Ильи Муромца. Естественно всего соотносить древность киевской церкви св. Ильи с цитированной севернорусской былиной о последних деяниях богатыря Ильи и его кончине в Киеве — после возведения здесь церкви.⁸⁸ Судя по некоторым из вариантов былины о «последней поездке» Ильи, его исторический прототип, возвращаясь уже глубоким стариком на родную землю (много позже крушения державы Аттилы), мог только тогда узнать о существовании Киева: это поселение, если оно возникло в V в., вероятно, не было гуннами уничтожено, подобно Полоцку, вследствие, как можно думать, тогдашней своей малозначительности.

Подвиги древнего Ильи Русского в противостоянии язычникам, акцентированные памятником германского эпоса, могли послужить фундаментальной основой для закрепления за этим персонажем в русском эпосе репутации охранителя христианской веры — репутации, прошедшей и через столетия обороны от языческих нашествий на Русь в последующие времена. Дошедшие до нас былины рисуют богатыря Илью как стоятеля за веру православную и защитника от осквернения татарами православных церквей и монастырей — главным образом киевских. Но в V или в VI в. на месте будущего стольного города Киевской Руси могло быть только языческое поселение. Построение в нем христианской церкви — деяние, которое по плечу эпическому герою.

Хотя в большинстве дошедших до нас былин главным городом Русской земли бывает назван именно Киев, вполне естественно признавать это одним из упомянутых выше эпических наслоений, обязанных позднейшей исторической эпохе — расцвету Киевской Руси, который определился, в сущности, уже только при Владимире Святом и Ярославе Мудром.

Составители же дошедшей до нас старшей новгородской летописи, вероятно, опирались на достаточно древнюю устную традицию, начиная свое повествование фразой, содержащей известные слова: «...преже Новгородчкая волость и потом Киевская».⁸⁹

⁸⁸ Былину о последней поездке Ильи В. Ф. Миллер считал одной из поздних. Основание он усматривал главным образом в двух обстоятельствах. Илья в ней предстает «стариком со всеми атрибутами старческого возраста», а это, согласно мнению Миллера, «могло быть только следствием забвения первоначального смысла эпитета „старый казак“» (*Миллер В. Ф. Очерки...* Т. 3. С. 146). Но проще и естественнее связывать натуралистично характеризуемые в былине «атрибуты» старчества с реальным старческим возрастом в конце жизни богатыря. Другое важное для Миллера обстоятельство — наличие параллелей одному из эпизодов былины в сказках (Там же. С. 144—145). Но это скорее, напротив, показатель древнего происхождения былины, в пользу чего свидетельствуют и сами приведенные Миллером и его предшественниками конкретные примеры из сказок.

⁸⁹ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. 3. С. 103 (Толстовский список); аналогично на с. 431 (Воронцовский список) и 511 (Троицкий список).